

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ РАСЫ ЧЕЛОВЕКА?

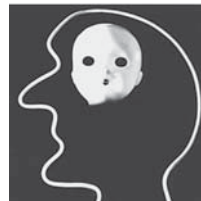
© 2015

Е.Я. Тетушкин

Все ныне живущие люди принадлежат к одному биологическому виду *Homo sapiens* [3, с.100–114]. Одна из его примечательных особенностей — относительная генетическая однородность; последовательности нуклеотидов (“букв” генетического алфавита) ДНК двух человек любого этнического или географического происхождения совпадают на 99.9%. Тем не менее внутри современного человечества можно выделить большие группы людей, сходные по определенным внешним признакам и отличающиеся по ним от других представителей своего вида. Такие группы получили название рас человека.

То, что люди одинакового географического происхождения имеют нечто общее в своем физическом облике, а жители разных уголков Земли отличаются друг от друга, знали еще древние египтяне, а одно из первых описаний разнообразия людей принадлежит Геродоту. Однако более-менее адекватные представления о таком разнообразии сложились гораздо позднее, в период Великих географических открытий. В наше время то или иное мнение об основных подразделениях человечества — расах — имеет почти каждый. Хотя в разных странах и регионах эти мнения могут быть разными. Философы науки называют подобные “расы”, являющиеся продуктом так называемой народной таксономии (folk taxonomy), народными или ординарными [27]. Первые попытки научного осмысления понятия расы и построения внутривидовой систематики современных людей на основе их биологического разнообразия были приняты только в XVII–XVIII веках. В XIX и XX веках было предложено множество систем, в которых современные люди подразделялись на самое разное число общностей: от двух до нескольких десятков.

В XX веке у некоторых антропологов появились сомнения в реальности самого существования рас как биологических общностей. Особое место в развернувшейся по этому вопросу полемике занимает короткая — всего на одну страницу — за-

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Тетушкин Евгений Яковлевич —

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН. В журнале “Человек” публикуется впервые E-mail: tetushkin_e@mail.ru

метка “On the Non-Existence of Human Races” Франка Ливингстона [37], опубликованная в 1962 году с критическим комментарием выдающегося генетика Феодосия Григорьевича Добржанского [7] и ответом автора. Как ясно из заголовка, позиция Ливингстона сводилась к тезису, что никаких рас человека (а также других видов) нет. Есть только клины, т.е. непрерывные географические градиенты значений признаков. Аргументация Ливингстона и контраргументация Добржанского (развитая в других его публикациях) наложили отпечаток на последующее обсуждение проблемы. А название заметки Ливингстона обыгрывается в заголовках целого ряда статей на эту тему [см., напр.: 2], включая предлагаемую вашему вниманию.

Хотя Добржанский красноречиво убеждал своих читателей, что расы существуют, он признавал, что определение и выделение рас — серьезная проблема биологической таксономии, ждущая своего решения. Будущее, на которое Добржанский возлагал большие надежды, наступило. Увы, наиболее видные из его коллег-генетиков, высказывавшихся по этому вопросу в течение последних десятилетий, отрицают факт существования человеческих рас. К ним относится и Ричард Левонтин — пожалуй, самый талантливый ученик Добржанского. Левонтину принадлежит своего рода *experimentum crucis* [35], поставивший, как одно время считалось, крест на идее рас человека. Он показал, что на генетическом уровне внутригрупповая изменчивость людей на порядок превосходит межгрупповую. Отсюда, например, следует, что генетические различия между любыми неблизкородственными жителями какой-нибудь деревни или соседями по лестничной клетке в московской многоэтажке заведомо больше средних генетических различий между, скажем, “белыми” европейцами и “черными” африканцами.

Впоследствии результат Левонтина был подтвержден и уточнен в ряде исследований на уровне ДНК [16], которые были продолжены в геномную эру. На заре этой эры один из главных действующих лиц проекта “Геном человека” Френсис Коллинс (директор Национального института по изучению человеческого генома, США), заглядывая в будущее, писал со своими соавторами [20]: “Будет доказано, что раса и этничность — это главным образом социальные и культурные идеи; и что четких научно обоснованных границ между группами не существует”. Организатор альтернативных работ по секвенированию человеческого генома Крейг Вентер (президент частной компании Celera Genomics) высказывался еще категоричнее: “Раса не имеет генетической или [какой-либо иной] научной основы” [56]. Хотя проведенные в “нулевые” годы исследования [45] показали, что сравнение геномов индивидов позволяет определить их континентальное происхождение (которое обычно отождествляют с принадлежностью к той или иной большой расе), авторитетные ученые, отрицавшие существование рас, остались при своем мнении.

Дополнительную остроту продолжающейся дискуссии о реальности человеческих рас придают разногласия относительно практического значения расовых классификаций для медицины. Одни считают, что отнесение пациента к той или иной расе (а также этносу) полезно и важно, поскольку расовая (и этническая) принадлежность, по их мнению, связана с предрасположенностью к определенным болезням и чувствительностью к тем или иным лекарствам. Другие же уверены, упрощенные концепции расы не работают в объективной реальности [41]. По их мнению, “расоализация” (racialization) лечебной практики приводит к “плохой медицине”, поскольку она основана на “плохой науке”.

Ниже излагается краткая история “расоведения” и приводятся аргументы “за” и “против” представления о биологической реальности рас человека. Описаны некоторые подходы к социальному конструированию рас человека и философскому анализу расовой проблематики.

Экскурс в историю “науки о расах”

Корни “учения о расах” восходят к временам египетских фараонов и ветхозаветных пророков. Считается, что само представление о биологическом и этническом разнообразии людей возникло в Египте во II тысячелетии до н.э. [17]. На рисунках, датированных XV веком до н.э., присутствуют четыре разновидности человеческих существ: окрашенные в красный цвет египтяне, желтые азиаты, черные жители субсахарской Африки и ливийцы, объединяемые с некоторыми западноевропейскими популяциями; последние изображались светловолосыми и голубоглазыми. Египтяне назывались словом Ремет (люди), азиаты — Ааму, черные африканцы (под которыми имелись в виду главным образом нубийцы) — Нехесиу, а ливийцы и западноевропейцы — Тжемеху. Иной, я бы сказал генеалогический и лингвистический, взгляд на структуру человечества представлен в Ветхом завете. В 10-й и 11-й главах Книги Бытия описано происхождение разных групп населения известной авторам части мира от трех сыновей Ноя. Сим, как следует из этого текста, является родоначальником семитов, т.е. арабов и евреев, Хам — хамитов, населяющих Северную Африку, а Иафет — индоевропейцев. Во всяком случае, так утверждают опытные толкователи Книги Бытия. Признаюсь, мне, как неискушенному читателю Библии, такая интерпретация показалась неочевидной. И как оказалось, не только мне [14, р. 17]. Более подробные и, пожалуй, более реалистичные описания разнообразия населения Земли можно найти у античных авторов — Геродота (480/490–420/430 гг. до н.э.) и Плиния Старшего (23–79 гг.).

Расширение представлений об окружающем мире и людях, его населяющих, в эпоху Великих географических открытий

(XV–XVII веков) было одной из предпосылок для возникновения антропологии, важнейшим разделом которой стала “наука о расах” (“расоведение”, по отечественной терминологии). Хотя первая *научная* классификация современных людей была создана в 1735 году не антропологом, а отцом биологической таксономии Карлом Линнеем. Он дал нашему виду наименование *Homo sapiens* и выделил внутри него четыре разновидности (цит. по [17, p. 363]): *Europaeus albesc.*, *Americanus rubesc.*, *Asiaticus fuscus* и *Africanus niger*. Термин “раса”, эквивалентный линнеевскому термину “разновидность”, был введен в научный оборот натуралистом Жоржем-Луи Леклерком графом Бюффеном в 1749 году. Бюффен подразделял человечество на шесть рас и прозорливо предположил, что их формирование объясняется воздействием окружающей среды. Однако наибольшее влияние на последующее развитие расовой доктрины оказал один из основоположников антропологии Иоганн Фридрих Блюменбах. В 1775 году он защитил в Гёттингенском университете диссертацию “*De generis humani varietate nativa*” (О естественных разновидностях человечества) на степень доктора медицины, в которой на основе краниологических данных обосновывалось разделение человечества на четыре разновидности. Особую популярность снискало ее третье переработанное издание, вышедшее в 1795 году [18]. Там было описано уже пять основных рас: кавказская¹, или кавказоидная (белая), монголоидная (желтая), эфиопская (черная), американоидная (красная) и малайская (коричневая). Эта расовая классификация с теми или иными модификациями по существу дожила до наших дней. Одна из классификаций, предложенных в XVIII веке, принадлежит Иммануилу Канту, который к тому же дал определение понятия “раса”, основанное на четком разграничении вида, расы и, как мы теперь бы сказали, внутрирасовых фенотипических вариантов [6].

Биологи и антропологи, занимавшиеся такими построениями, образовали два противостоящих лагеря. Одни ученые, названные моногенистами, склонялись к мнению, что люди были сотворены Богом лишь однажды и только относительно недавно произошла их дифференциация (разумеется, по воле божьей) на отдельные расы; другие же, названные полигенистами, верили, что расы были созданы Богом в начале творения и, следовательно, существуют с глубокой древности. Последователи моногенистов нашли опору в теории Чарльза Дарвина о происхождении видов и сохранении “благоприятствуемых рас” в результате естественного отбора [5]. Она дала сильные аргументы в пользу предположения о недавнем возникновении человеческих рас в ходе быстрой дивергентной эволюции популяций, изначально не отличавшихся по расовым признакам. Идея полигенистов трансформировалась в представление о древности человеческих рас и их длительной раздельной эволюции. Такие взгляды иногда называют “расовым эссенциа-

¹ *varietatis Caucasiae*; череп, который Блюменбах ошибочно считал эталонным для европейца, принадлежал грузинке. Сейчас, благодаря генетическим и геномным исследованиям, известно, что народы Кавказа имеют смешанное, в значительной мере неевропейское происхождение. См., напр., интерактивный атлас [55].

лизмом”. Сейчас они представляют главным образом исторический интерес. К концу XX века точка зрения наследников моногенистов одержала убедительную победу. Отголоски расового эссенциализма можно обнаружить лишь в расистских социальных доктринах, обосновывающих расовую сегрегацию или идеи расового превосходства.

Примечательно, что выдающиеся естествоиспытатели — Линней, Бюффон, Блюменбах, заложившие основы науки о расах, были моногенистами, т.е. придерживались буквального понимания ветхозаветного мифа о происхождении человека. Между тем моногенизм, в известной степени гармонирующий с современными взглядами на эволюцию человечества, трудно согласовать с библейской историей. Он вступает в противоречие с хронологией акта Творения, который, по Библии, был осуществлен около шести тысяч лет назад. В фундаменте противостоящего ему полигенизма лежало здравое соображение, что времени “от Адама” совершенно недостаточно для формирования существующего биологического разнообразия людей. Поэтому высказывалось еретическое предположение, что ветхозаветный Адам является родоначальником только евреев, а у остальных народов были другие прародители.

Начало коренному повороту в эволюции представлений о расах, растянувшееся почти на столетие, положила книга Дарвина о происхождении человека и человечества, опубликованная в 1871 году [4]. Он рассмотрел вопрос о расах с позиций своей эволюционной теории. Его идеи подготовили почву для последующего отказа от представлений о статичности и дискретности человеческих рас, лежавших в основе господствовавшей на протяжении десятилетий типологической концепции расы. Дарвин полагал, что главной движущей силой расообразования у человека являлся половой отбор; благодаря действию этого фактора произошла дивергенция нашего вида на отдельные подвиды — расы. Вместе с тем он обратил внимание на факты, свидетельствующие о плодовитости межрасовых браков и постепенном переходе одних рас в другие, факты, наводящие на мысль об условности любых расовых классификаций. Дарвин, как мы теперь понимаем, нанес тяжелый удар полигенизму, что в конечном итоге привело к полному поражению сторонников этого направления.

Дарвиновские идеи относительно природы рас человека были подхвачены некоторыми антропологами, активно публиковавшимися в первой половине XX века. Из них наиболее известными являются Франц Боас и Эшли Монтагу. Боас в начале прошлого столетия представил убедительные антропометрические данные, опровергающие представление о расах как обособленных группах; он показал, что многие индивиды из соседних расовых групп не могут быть с определенностью отнесены к той или иной расе. Монтагу оставил яркий след в истории науки и общественной мысли во многом благодаря сво-

Е. Тетушкин
Существуют ли
расы человека?

ей книге “Man’s Most Dangerous Myth: The Fallacy of Race”, первое издание которой вышло в 1942 году [38]. Как ясно уже из названия, автор считал понятие о расе самым опасным мифом в истории человечества. Он одним из первых попытался обосновать точку зрения, что человеческие расы как объекты биологической таксономии не существуют. Это исключительно социальные конструкции, не отражающие биологических различий между людьми. Их сходство намного перевешивает имеющиеся различия. Беспочвенные спекуляции, основанные на ложной концепции расы, открывают путь расизму и нацизму. Последний тезис получил зримое подтверждение в событиях европейской и мировой истории, разворачивавшихся во время работы над книгой.

Шестью годами ранее появилась другая резонансная книга о расовой проблематике, написанная выдающимся эволюционистом, одним из творцов СТЭ (синтетической теории эволюции) Джулианом Хаксли в соавторстве с антропологом Альфредом Хэддоном. Основная ее идея сводится к тезису, что раса, понимаемая как большая группа людей, имеющих общее происхождение и одинаковые биологические признаки, — это продукт воображения некоторых антропологов, потерявших связь с реальной действительностью [31]. Вместе с тем авторы допускают, что “чистые расы” могли существовать в далеком прошлом, при первичном разделении человечества на географические общности.

И Монтагу, и Хаксли апеллировали к бурно развивавшейся тогда генетике, видимо, надеясь, что она окончательно прояснит ситуацию с человеческими расами. Однако в те же предвоенные и военные годы к этой теме обратился классик генетики Добржанский, который был убежден, что расы вообще и расы человека в частности, несомненно, существуют. Он описал их у мушек дрозофил, а потом рассмотрел внутривидовую дифференциацию человечества с позиций эволюционной и популяционной генетики [23]. В основание данных им определений вида и расы положен генетический критерий. Вид — это группа популяций, репродуктивно изолированных в степени, препятствующей обмену генами или сильно его затрудняющей. Расы — это популяции одного вида, отличающиеся друг от друга по частотам генов; они обмениваются генами или обладают потенциальной способностью к обмену генами (если их разделяют труднопреодолимые преграды). Виды, включающие несколько рас (подвидов), называют политипическими. Поэтому человечество, как отмечал Добржанский, представляет собой единый политипический вид.

После предания огласке многочисленных преступлений германских нацистов значимость расовой проблематики была осознана широкой мировой общественностью. В 1950 году ЮНЕСКО обнародовало свое первое Заявление о расе, которое в качестве докладчика представил Монтагу [55]. Там, в ча-

стности, есть такое радикальное утверждение: «доказано, что дифференциация видов на биологически определяемые “расы” бессмысленна». Ряд влиятельных ученых сочли это заявление политически мотивированным и нуждающимся в коренной переработке. В результате в 1951 году появилось новое Заявление о расе (в позднейших анналах ЮНЕСКО фигурирует под названием Statement on the nature of race and race differences), отражавшее точку зрения большинства ведущих антропологов и биологов того времени, которые нисколько не сомневались в существовании рас.

В 1950–1960-е годы развернулась дискуссия между сторонниками и противниками тезиса об объективной реальности человеческих рас. Первые составляли абсолютное большинство, но вторые, представленные Монтагу, видным антропологом Жаном Йерно и Ливингстоном, не сдавались и гнули свою линию. Одним из участников этой дискуссии, отстаивавших представление о биологической реальности рас, был классик антропологии Карлтон Кун, который в 1962 году опубликовал книгу о происхождении рас [21]. Кун развивал гипотезу полицентрического или мультирегионального происхождения человеческих рас, предложенную на рубеже 1930–1940-х годов Францем Вайденом. Согласно этой гипотезе, современные расы произошли от разных форм архаических людей (предшественников *Homo sapiens*), обитавших на разных континентах. Кун тоже считал, что разные подвиды (=расы) *Homo sapiens* возникли независимо из локальных разновидностей человека прямоходящего (*Homo erectus*), расселившегося за почти два миллиона лет своего существования по всему Старому Свету. Его взгляды перекликаются с фантазиями полигенистов. Но, в отличие от них, он предполагал, что формирующиеся подвиды взаимодействовали друг с другом, обмениваясь генами. Кун думал, что разные расы исходного человечества достигли статуса *Homo sapiens* в разное время. Поэтому цивилизации одних рас опережают в своем развитии цивилизации других рас.

Однако наиболее значимые события в развитии дискуссии о расах развернулись после появления в 1972 году процитированной выше статьи Левонтина. Впервые было показано, что межгрупповая изменчивость по белковым маркерам генов намного меньше внутригрупповой: межконтинентальная (“межрасовая”) составляет 7–10% совокупной генетической изменчивости, межпопуляционная (~межэтническая) — 5–8%, а внутрипопуляционная (между индивидами) — около 85%. Другие исследователи вскоре тоже пришли к выводу, что межрасовая изменчивость маркеров генов составляет всего 6–11% их внутривидового разнообразия (см. [10]). Опираясь на свои данные, Левонтин утверждал, что “расовая классификация ... по существу не имеет ни генетического, ни таксономического значения; ее сохранение не может быть оправдано” никакими аргументами.

Е. Тетушкин
Существуют ли
расы человека?

Генетика имеет первостепенное значение для понимания природы рас человека. Ведь расы выделялись на основе относительно небольшого числа фенотипических признаков, характеризующих пигментацию кожи, волос и глаз, структуру волос, толщину и форму губ, форму носа... В то же время в традиционных определениях рас человека подчеркивается, что они представляют собой “исторически сложившиеся группы людей, связанные единством происхождения” [1, с. 16–25]. Иными словами, представители разных рас происходят от разных родоначальников. А если это так, то люди одной расы должны обладать большим генеалогическим родством, чем индивиды, принадлежащие к разным расам. Как написано в одном из американских словарей: “Расовая группа подобна большой расширенной семье; люди, к ней принадлежащие, имеют общих предков, в какой-то степени инбредны и обладают определенным физическим сходством, поскольку у них общие гены” (Цит. по [47]). Но отражают ли различия по весьма ограниченному набору фенотипических признаков, использовавшихся при выделении рас, генеалогию людей и их популяций? Ответ на этот вопрос может быть получен только с помощью генетики, а исчерпывающий ответ — с помощью геномики. Последовательности ДНК (или их маркеры) могут служить документами, свидетельствующими о генеалогических связях между отдельными индивидами и группами индивидов. На основе оценок генетических различий можно сформировать группы генетически сходных людей, имеющих общее происхождение, т.е. родственников, даже очень далеких.

Что касается интерпретации результатов Левонтина, то здесь надо различать два разных вопроса. Один — о соотношении генетических различий между расами и между индивидами внутри рас. Споры нет: генетические различия между индивидами, принадлежащими к разным расам (или этносам), лишь немного превышают, если превышают, таковые между неродственными индивидами, принадлежащими к одной и той же расе (этносу). Но есть другой вопрос: позволяет ли столь низкий уровень межрасовых различий “сортировать” людей в соответствии с их расовой принадлежностью? Было показано, что это возможно, по крайней мере, в отношении так называемых больших рас, населяющих разные континенты. В 1970–1980-е годы удалось объединить популяции в группы, неплохо соответствующие большим расам, по данным о частотах белковых маркеров генов. В 1990-е — то же было сделано с использованием некоторых ДНК-маркеров [10].

В 2000-х начался постгеномный период истории концепции расы. И уже в 2002 году вышла работа, в которой были представлены результаты изучения генетической структуры человечества с использованием 377 ДНК-маркеров, отражающих изменчивость геномов 1056 человек из 52 этносов [45]. Операциональными единицами этого исследования были не произвольно вы-

деленные “популяции”, как в генетических работах 1970–1990-х годов, а отдельные индивиды. В результате компьютерных вычислений с использованием специальной программы эти индивиды разделились на группы, соответствующие их географическому происхождению из таких основных регионов мира, как Африка, Европа, Ближний Восток, Центральная и Южная Азия, Восточная Азия, Океания и Америки. Но ведь многие антропологи до сих пор отождествляют население каждого из этих больших регионов с определенной расой. Можно ли считать совпадение географических и генетических группировок, установленное в данной работе, доказательством существования рас? Более точный и убедительный ответ на вопрос о соответствии между расой и генеалогией индивидов может быть получен только на основании данных о целостных геномах. Уже первые работы по полногеномному сравнению людей показали, что вопрос этот не так прост. Первыми индивидами, геномы которых были полностью расшифрованы, стали Джеймс Уотсон (получивший Нобелевскую премию за открытие структуры ДНК), упомянутый Крейг Вентер и корейский ученый Сионг-Джин Ким [12]. Уотсон и Вентер имеют европейское происхождение (т.е. они европеоиды), а Ким — азиатское (т.е. он, по расовой принадлежности, монголоид). Так вот оказалось, что Уотсон и Вентер одинаковы по 1715851 маркеру ДНК, а ДНК Кима совпадает с их ДНК по 1824482 и 1736340 маркерам, соответственно. Иными словами, геномы этих “европеоидов” больше отличаются друг от друга, чем от генома “монголоида”. Результат очевидно не совсем типичный (геномные различия между индивидами разной расовой принадлежности в большинстве случаев должны быть больше геномных различий между индивидами другой расы), но все же показательный.

Так или иначе, приходится констатировать, что геномика пока не дала бесспорного ответа на вопрос о существовании рас. Более того, некоторые считают, что использование геномных технологий привело к окончательной смене парадигмы во взглядах на природу человеческих рас [45], укрепившей позиции противников представления об их биологической реальности.

Кто же одержал верх в давнем споре — сторонники реальности или иллюзорности рас человека?

Иногда встречается утверждение, что в этом вопросе достигнут консенсус: якобы все сошлись во мнении, что рас нет. Вера в существование рас, шутят некоторые, сродни убеждению древних в том, что Земля плоская. Это ходячее сравнение, видимо, принадлежит Джареду Даймонду [22]. На самом деле ситуация сложнее. Преобладающее большинство генетиков действительно с этим согласно. Квинтэссенция взглядов генетического “истеблишмента” представлена в короткой (всего одна страница) статье трех видных специалистов [26].

Американские антропологи, во многом задающие глобальную повестку в своей области, разделились на две части. Около

Е. Тетушкин
Существуют ли
расы человека?

² Энциклопедические статьи Racial realism есть в Metapedia и RationalWiki (это «неортодоксальные» версии Wikipedia). Примечательно, что в приводимых там списках «расовых реалистов» нет ни одного отечественного ученого, хотя никто из советских антропологов, похоже, несколько не сомневался в биологической реальности рас; сходных воззрений придерживаются, судя по всему, и российские антропологи. Единственная рекомендованная там для чтения отечественная публикация [51], хотя ее автор не причисляет себя к расовым реалистам.

70% считают расу мифологическим понятием. Однако остальные (т.е. примерно треть) либо убеждены в биологической реальности рас, либо не определились в этом вопросе. Среди антропологов Западной и Центральной Европы доля противников представления о биологической реальности рас существенно ниже, а самый высокий процент сторонников традиционных взглядов на расу зафиксирован в России и Китае [36].

В современных учебниках по генетике человека концепция расы не только не обсуждается, но и вообще не упоминается. Термин «раса» не встречается даже в самом капитальном пособии, хотя в раннем издании этого компендиума, переведенного (при участии автора) на русский язык в конце 1980-х годов, понятие расы определяется и рассматривается. В раннем издании этой объемистой сводки приводится генетическое определение расы: «раса — это большая популяция индивидов, у которых значительная часть генов общая и которую можно отличить от других рас по общему для них генофонду» [11, с. 35]. Напоминает определение Добржанского (см. выше) и имеет тот же недостаток: из него неясно, в чем состоит отличие расы от популяции. Последнее, полностью переделанное издание этого учебника, над которым работал большой авторский коллектив (при сохранении бренда «Фогель и Мотульский») вышло в 2010 году (есть русский перевод). Там нет ни одного слова о расах, за исключением упоминания этого термина при изложении содержания этапной работы Левентина [35]. Похожая тенденция прослеживается и в учебниках антропологии [40].

Несколько особняком стоят здесь психологи, психогенетики и специалисты по генетике поведения [52]. Складывается впечатление, что значительная их часть придерживается мнения о биологической реальности человеческих рас. Представители подобных взглядов получили название *расовых реалистов*². К ним причисляют как некоторых ученых относительно недавнего прошлого, например Добржанского, так и ныне здравствующих, включая упомянутого нобелиата Уотсона, который подвергся остракизму за свои неосмотрительные высказывания об интеллекте черных и белых.

“Расы” и генетика человечества

И все-таки, насколько согласуется генетическая география человечества с представлением о его разделении на отдельные расы? Можно ли утверждать, что большие группы населения Земного шара, в частности, живущие на разных континентах, имеют разные генеалогические корни? Ведь вопрос о реальности рас в конечном счете сводится к вопросу о происхождении индивидов, популяций и групп популяций.

К настоящему времени накопились обширные данные о геномных различиях между населением разных стран и регионов. Теперь мы имеем неплохое представление о генетической диф-

ференциации метапопуляций (популяционных систем) разного уровня, к которым относятся “расы” и народы. Кстати, с позиций генетики раса и этнос — это родственные концепции. Классики генетики человека Лука Кавалли-Сфорца и Джеймс Нил [19], с некоторых пор почти отказавшиеся от употребления термина “расы”, фактически заменили его синонимом “главные этнические группы” (major ethnic groups). На этом основании защитники взглядов о реальности человеческих рас обвиняли этих ученых в беспринципных уступках идеологии политкорректности, господствующей в западных обществах. Они считают такое словосочетание эвфемизмом, по сути эквивалентным термину “расы”.

Обличение лицемерия отрицателей биологической реальности человеческих рас — дежурный полемический прием их оппонентов [32]. Ниспровергатели расовой концепции, конечно же, знают — уверяют расовые реалисты, — что расы существуют. И как можно в этом сомневаться, если любой человек с улицы без труда отличит негра от белого. Но если заявить об этом открыто, политкорректные эксперты научных фондов не дадут грантов. Поэтому они маскируются под “расовых антиреалистов”, скрывая свои истинные убеждения. А на самом деле продолжают изучать все те же расы, переименованные в главные этнические группы. Другой дежурный аргумент расовых реалистов сводится к утверждению, что их противники почти сплошь марксисты или псевдомарксисты. Возможно, такой извив полемической мысли связан с тем, что один из самых заметных расовых антиреалистов — Ричард Левонтин — действительно является стопроцентным марксистом. Но попытки обосновать наличие потаенных марксистских убеждений, например, у Монтагу, выглядят малоубедительно. К тому же расовый реализм, подвергавшийся эрозии на антикоммунистическом Западе, всецело господствовал в СССР и КНР, находившихся под диктатом марксистско-ленинской идеологии.

Некоторые муссируют тезис, что никаких рас человека не существует, поскольку между любыми соседними популяциями нашего вида нет генетических границ. “Расы” постепенно и непрерывно переходят одна в другую, что делает невозможным их вычленение. Однако это было известно еще Блюменбаху и Дарвину. Слабость такого аргумента против существования рас очевидна. По логике тех, кто его выдвигает, получается, что если бы переходных промежуточных популяций не было, то вопрос о реальности рас мог бы быть решен положительно. То есть их существование зависит не от глубины дифференциации популяций, а от ширины зон интерградации. По поводу подобных рассуждений Добржанский писал: “Это почти так же логично, как если бы кто-то доказывал, что юность не отличается от старости, поскольку градиент между ними практически абсолютно гладкий” [24, p. 351].

Е. Тетушкин
Существуют ли
расы человека?

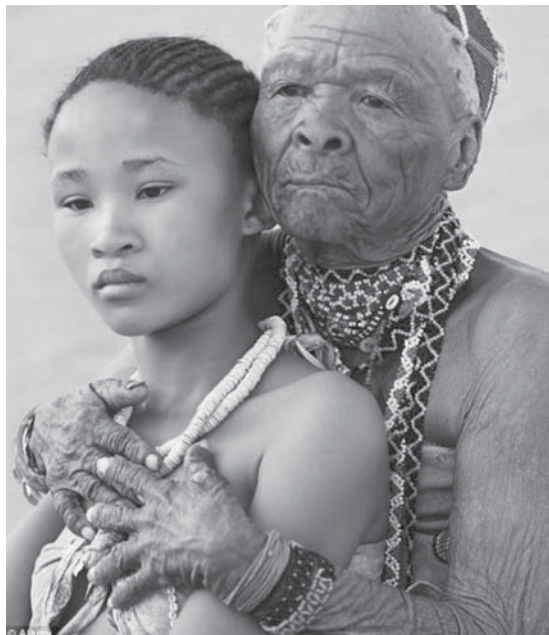
Опровергнуть другой ходячий аргумент против реальности рас, выдвинутый Левонтином, оказалось сложнее. Как можно говорить о каких-то расах, если межгрупповые (межпопуляционные и “межрасовые”) генетические различия ничтожны по сравнению с внутригрупповыми? Ситуацию прояснил известный специалист по математической статистике, генетик и эволюционист Энтони Эдвардс. Он показал, что большая часть информации, дифференцирующей основные группы человечества, скрыта в корреляционной структуре данных о генетическом разнообразии [25]. Левонтин упустил из виду это обстоятельство. Теперь, с легкой руки Эдвардса, знаменитый вывод Левонтина называют “ошибкой Левонтина”. Этому термину (Lewontin’s fallacy) посвящена даже отдельная статья в Wikipedia. Но работа Эдвардса не изменила взглядов Левонтина на природу человеческих рас. См. лекцию The Concept of Race with Richard Lewontin на YouTube [53].

Какова же генетическая структура человечества? Соответствует ли она имеющимся расовым классификациям?

Сравнительные исследования на геномном уровне показали, что человечество делится на две неравные общности, разошедшиеся, согласно наиболее обоснованной на сегодня оценке, около 110 тыс. лет назад [57]. Первая объединяет немногочисленных койсанов (“бушменов” и др.), обитающих на юге Африки. Вторая — остальное население Земного шара. Наиболее древние племена и народы этой преобладающей части человечества проживают в Африке южнее Сахары, а более молодые — в Северной Африке, Евразии, Австралии и Океании, Северной и Южной Америке. Картина генетической изменчивости человечества отражает историю расселения людей. Важнейшими событиями этой истории являются разделения и смешения популяций. Самым значительным по своим последствиям для человечества стал исход небольшого числа (всего нескольких сотен или тысяч) африканцев в Евразию. Он произошел, вероятно, в интервале от 60 до 100 тыс. лет назад. В результате последующих миграций далекие потомки этих африканцев, скорее всего, 65–75 тыс. лет назад разделились на обитателей Евразии и Сахула (материка, включавшего Австралию, Новую Гвинею и некоторые другие острова), а евразийцы позднее дифференцировались на ряд относительно обособленных групп, обосновавшихся в разных частях континента. По данным о митохондриальной ДНК (передающейся по женской линии) и Y-хромосомной ДНК (передающейся по мужской линии) 55 тыс. лет назад выделились некие восточные азиаты первого типа, а позднее, 41 тыс. лет назад, их “земляки” из других племен разделились на восточных азиатов второго типа и европейцев [50].

Проясняется ситуация и с “расовой” принадлежностью первопроходцев, вступивших более 15000 лет назад на землю Америки. Предполагалось, что они являются потомками восточных

азиатов (т.е. “монголоидов”). Год назад интернациональный коллектив авторов, включающий и россиян, опубликовал результаты секвенирования генома четырехлетнего сибирского мальчика, умершего приблизительно 24 000 лет назад [44]. Его скелет, найденный недалеко от Байкала у села Мальта на реке Белой, несколько десятилетий хранился в Эрмитаже. Исследование ДНК неожиданно показало, что по геномным маркерам он является западным евразийцем, имеющим генетических родственников среди современных европейцев. В то же самое время оказалось, что он находится в родстве со *всеми* коренными американцами — как северными, так и южными. Около трети их ДНК унаследовано от родственников этого мальчика.

Раньше некоторые думали, что европейские примеси в генофонде аборигенов Америк привнесены колонистами после открытия Колумба. Теперь ясно, что обитатели Берингии, заселившие Северную и Южную Америку, имели смешанное, азиатско-европейское происхождение. У современных азиатов ДНК этих древних породнившихся с коренными европейцами сибиряков не найдена.

Что касается африканцев, проживающих южнее Сахары, то они отличаются наибольшей, по сравнению с другими жителями Земли, генетической изменчивостью. Это легко объяснить, поскольку часть Африканского континента к югу от Сахары является прародиной человечества. Падение генетического разнообразия по мере удаления от прародины — ожидаемое статистическое следствие процессов, связанных с расселением людей по Земному шару. Глубина же дивергенции основных групп африканских популяций, по меркам других континентов, совершенно экстраординарна. Это касается не только дивергенции койсанов и остального человечества, начавшейся более 100 тыс. лет назад. Например, межгеномные сравнения показали, что пигмеи отделились от других носителей нигеро-кордофанских языков (банту и пр.) приблизительно 50 тыс. лет назад [57] или даже раньше. Генетические различия только между койсанскими племенами могут превышать таковые между “монголоидами” и “американоидами” и сравнимы с таковыми между “монголоидами” и “европеоидами”. Так, было показано, что койсаны, обитающие на северо-западе и на юго-востоке пустыни Калахари разошлись, возможно, около 30 тыс. лет назад [43] (от 25 до 40 тыс. лет назад, по разным оценкам).

Койсаны — представители древнейшей ветви современного человечества. Некоторые предполагают, что их облик наиболее близок к облику ближайших предков всех современных людей

Итак, с точки зрения геномики — а только она может дать объективное представление о родственных связях народов — разделение человечества на пять “больших рас” (как у Блюменбаха) — негроидов, европеоидов, монголоидов, австралоидов, американоидов — дает искаженную картину геногеографической изменчивости и генеалогии населения Земли. Почему же в ряде работ все-таки удалось разбить человечество на “континентальные” группы, соответствующие традиционным большим расам? Почему, например, в них не отражена генетическая структура и история дивергенции африканских популяций?

Предметом анализа в подобных исследованиях служат различия по геномным маркерам. А популяции с одного континента на протяжении всей своей истории обменивались, часто очень интенсивно, генетическим материалом. Их роднит не только общее происхождение, но и постоянные контакты, сопровождавшиеся частичной ассимиляцией. Это относится и к таким глубоко дивергировавшим этнотерриториальным группам, как койсаны и банту или пигмеи и банту. Более детальный анализ тех же данных выявляет тонкую генетическую структуру населения как Африканского, так и других континентов.

Какова причина внешних различий между представителями “больших рас”? Сейчас очевидно, что они обусловлены главным образом адаптацией к условиям окружающей среды. Определенную роль, вероятно, сыграл и половой отбор по Дарвину. Когда и почему возникли эти различия?

Недавно были опубликованы работы [39], проливающие новый свет на причины и время появления различий по такому наиболее бросающемуся в глаза “расоводиагностическому” признаку, как цвет кожи. Там представлены и проанализированы результаты секвенирования геномов европейских охотников-собирателей, живших 4000–8000 лет назад. Один из изучавшихся скелетов, имеющий возраст около 8000 лет, был найден в 2006 году в пещере La Vache-Arintero на северо-западе Испании. Идентификация генов пигментации кожи и глаз этого индивида свидетельствует, что у него была темная (почти как у африканцев) кожа и голубые глаза. Темнокожими были и другие изучавшиеся коренные европейцы мезолита и раннего неолита. Подчеркну, что речь идет именно о коренных европейцах, живших на континенте до прихода около 9000 лет назад выходцев с Ближнего Востока, которые инициировали в Европе неолитическую революцию. Эти земледельцы, как показали палеогеномные исследования, имели светлую кожу, темные волосы и карие глаза. Что же касается родственников мальчика из сибирской Мальты, то они появились в Европе только 4000–5000 лет назад [33].

До этих исследований считалось, что кожа потомков выходцев из Африки постепенно светлела по мере их продвижения к северу от экватора. Пигменты меланины (эумеланин

и феомеланин), от которых зависит ее цвет, защищают ДНК клеток эпителия от ультрафиолета и тем самым предотвращают развитие рака кожи и разрушение молекул витамина В (фолатов), приводящего к аномалиям развития эмбрионов. Вместе с тем ультрафиолет необходим для образования витамина D. Естественный отбор оптимизирует соотношение эумеланина и феомеланина для разных географических широт в соответствии с этими противоречивыми требованиями. Предполагалось, что осветление кожи европейцев произошло 30–40 тыс. лет назад, вскоре (по эволюционным меркам) после заселения континента. На самом же деле, как уже отмечалось, коренные европейцы были темнокожими вплоть до энеолита. Ослабление пигментации началось, как показал специальный анализ, только около 5000 лет назад. Оно совпало с распространением земледелия, в результате которого охотникам-собирателям пришлось перейти на растительный рацион. Если раньше они получали достаточное количество витамина D с мясом и рыбой, то теперь стали испытывать его острый дефицит. Интенсивный естественный отбор компенсировал нехватку витамина D, “подобрал” нужные концентрации меланинов. Определенную роль в этом процессе, видимо, сыграл и половой отбор, о котором писал Дарвин. Его механизм основан на повышенной сексуальной привлекательности редких, по каким-то внешним признакам, индивидов. Существование такого отбора было продемонстрировано в исследованиях на животных — мушках дрозофилах, аквариумных рыбках гуппи и др. Можно предположить, что на заре неолита немногочисленные светлые и голубоглазые мужчины и женщины пользовались повышенным успехом у представителей противоположного пола. Поэтому число потомков у каждого из них было больше, чем у их “среднестатистического” соплеменника. Но как оценить количественный вклад полового отбора в становление “белой расы”, пока неясно.

Внутривидовая систематика Homo sapiens

Несостоятельность существующих расовых классификаций не означает, что они невозможны в принципе. Почему бы не попытаться выделить расы, соответствующие генетической структуре человечества? Прежде чем приступить к этой задаче, надо уточнить, что мы понимаем под термином “раса”.

П.П. Семенов-Тян-Шанский в 1910 году предложил иерархическую схему соподчинения внутривидовых категорий: вид — подвид — раса — племя. Однако современный кодекс зоологической номенклатуры регламентирует названия лишь одной категории таксонов рангом ниже вида, а именно подвида. Выдающийся эволюционист XX века Э. Майр полагал, что “подвиды во многих случаях ... с равным правом можно называть как экологическими, так и географическими расами”

Е. Тетушкин
Существуют ли
расы человека?

[8, с. 237]. Именно такой случай представляют, по мнению Добржанского, расы человека, которые он считал подвидами. Так что термин “раса” обычно употребляется как синоним термина “подвид”.

Есть ли какие-нибудь критерии, которым должны удовлетворять подвиды, и соответствуют ли этим критериям “расы” человека?

Более полувека назад для выделения подвидов было предложено “правило 75 процентов” [13]. Согласно этому стандарту, популяция является подвидом, если 75 процентов индивидов, в нее входящих, могут быть отделены, по каким-либо признакам, от всех индивидов из перекрывающихся с ней популяций. Удовлетворяют ли расы человека этому, надо сказать произвольному, критерию при сравнениях на геномном уровне? Согласно имеющимся данным, два человека из разных расовых групп, выделяемых антропологами, генетически различаются больше, чем два индивида из одной и той же расовой группы только приблизительно в двух третях случаев [15]. Данные, возможно, не очень точны, но скорее всего 75-процентному критерию расы человека не удовлетворяют.

Возможен и другой подход к проблеме ранга внутривидовых подразделений человечества. Поскольку не всякая группа родственных популяций может быть названа подвидом (расой), возникает вопрос: соответствуют ли «расы» человека подвидам иных видов? Надо заметить, что уровни дифференциации подвидов, принадлежащих к разным видам, сильно различаются, что во многом лишает смысла такие сопоставления. Но может быть имеет смысл сравнить генетические различия между расами людей с генетическими различиями между подвидами наших ближайших родственников — шимпанзе, горилл, орангутанов?

В середине нулевых были проведены сравнения антропоидов по относительно небольшим участкам ядерных геномов. Несколько генетиков пришли к выводу, что величины дифференциации трех обособленных групп популяций шимпанзе и двух групп орангутанов, возводимых обычно в ранг подвидов, на самом деле сравнимы с таковыми между африканскими, азиатскими и европейскими популяциями людей [28]. Парадоксальным образом авторы заключили, что никаких подвидов антропоидов нет, поскольку их территориальные группы сходны в той же степени, что и “несуществующие” расы человека. Однако геномные исследования последних лет, основанные на больших массивах данных, приводят к другим результатам. Так, в одной из работ не только удалось подтвердить правомерность выделения трех подвидов шимпанзе, но и обосновать существование четвертого подвида. Генетические различия между подвидами этих антропоидов оказались больше таковых между континентальными популяциями людей. Средние межгеномные различия у шимпанзе в четыре раза больше,

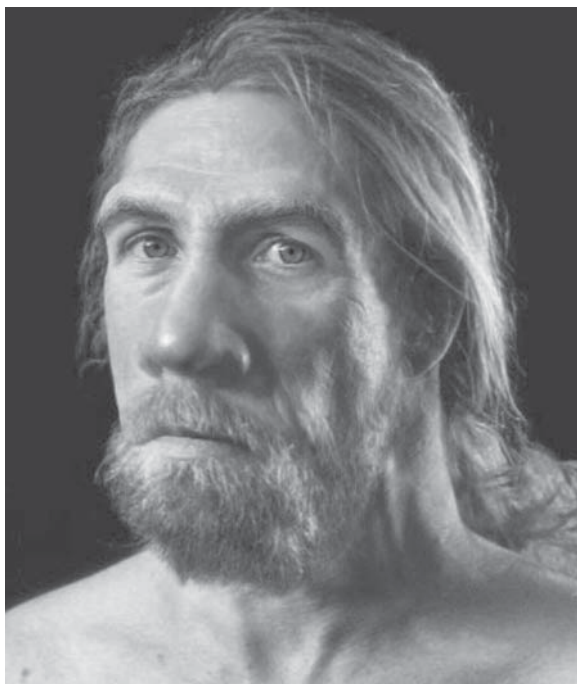
чем у людей. Полногеномное сравнение западных и восточных горилл подтвердило, что они образуют два самостоятельных вида, дивергировавших 1,75 млн лет назад.

Генетические и морфологические различия между подвидами животных, как правило, превосходят таковые между человеческими «расами». У последних, к тому же, не отмечено довольно обычных для подвидов других видов случаев фиксации определенных форм генов. Это когда у всех, а точнее, почти всех, особей одного подвида имеется только одна форма данного гена (определенный аллель, как говорят генетики). У других подвидов могут быть другие аллели этого гена.

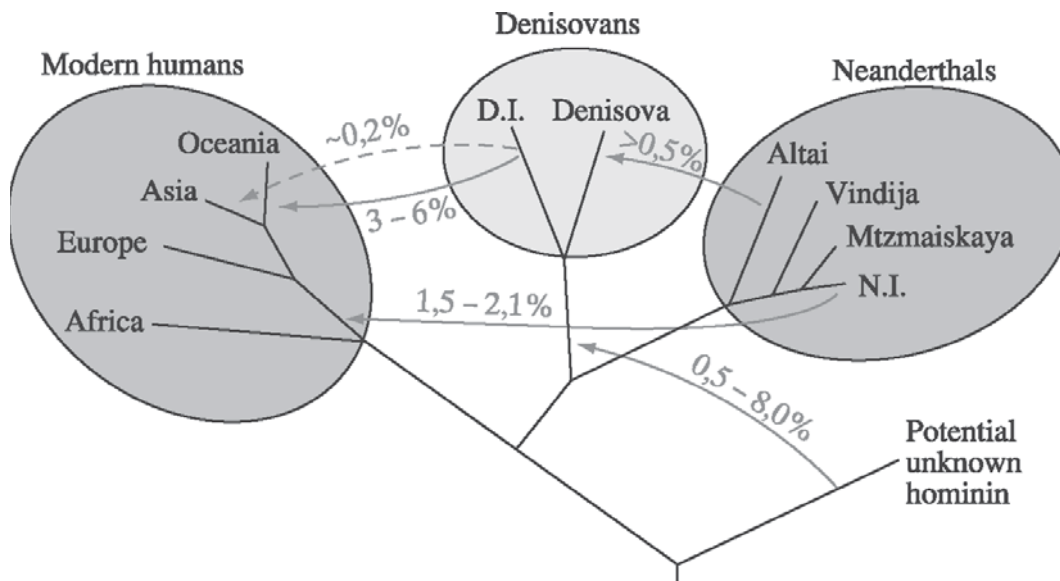
Человечество, как уже отмечалось, генетически гомогенно.

Уровни генетического разнообразия в популяциях разного масштаба — от населения больших регионов до жителей небольших деревень — сходны. Это объясняется нашим недавним происхождением от общей предковой популяции. Таким образом, сомнения в биологической реальности подвидов (рас) современных людей не лишены оснований. Вместе с тем, как отмечал Майр, необходимая степень различий между внутривидовыми таксономическими единицами «может быть установлена только по договоренности между систематиками» [8, с. 282].

Согласно правилам биологической номенклатуры, названия подвидов должны быть тринომiальными, т.е. состоять из трех слов. В литературе иногда можно встретить триномiальное название человека — *Homo sapiens sapiens*. Авторы, которые его употребляют, считают современных людей одним из подвидов *Homo sapiens*. Обычно он противопоставляется подвиду *Homo sapiens neanderthalensis*, неандертальцу. Хотя большинство специалистов причисляет современных людей и неандертальцев к разным видам, мнение об их конспецифичности нашло опору в материалах геномных исследований. В последние годы было показано, что геномы современных людей европейского и азиатского происхождения содержат от 1% до 3–4% (на индивидуальный геном) неандертальской ДНК. Это означает, что люди современного типа, проживавшие в Евразии, имели сексуальные связи с неандертальцами. И самое главное, в результате этих относительно редких мезальянсов рождались дети, оставившие потомков. Неандертальские варианты некоторых

Некоторые неандертальцы были светлокжими и рыжеволосыми (реконструкция по останкам, найденным на территории Франции) (<http://www.sciencemag.org/content/318/5850/546.full.pdf>)

Потоки генов между архаическими и современными людьми (doi:10.1038/nature12886)

генов имеются у более чем 60% коренного населения Европы и Восточной Азии. Таким образом, “браки” двух названных представителей рода *Homo* были плодотворны, или фертильны, как говорят биологи. А фертильность скрещиваний — главное условие принадлежности разновидностей к одному виду.

Однако не все так просто. Оказалось, что наши современники унаследовали от неандертальцев всего 20–30% их ДНК. Во многих участках геномов современных людей соответствующие неандертальские гены начисто отсутствуют. Особенно примечательна потеря генов, экспрессирующихся (“работающих”) в семенниках, а также генов, расположенных на половой X-хромосоме [29]. Эти утраты свидетельствуют о проблемах с плодотворностью гибридов. Обнаружившаяся несовместимость систем, контролирующих репродуктивную сферу, привела в действие естественный отбор, который вычистил все генетические факторы, снижающие фертильность “бастардов”. Само наличие подобных проблем свидетельствует, что эти разновидности людей, к моменту своей встречи, находились на полпути к репродуктивной изоляции. Поэтому их можно считать видами *in statu nascendi* (в процессе становления). Поскольку мы все-таки несем множество неандертальских генов, благодаря которым наши далекие предки сумели выжить в суровых условиях Евразии, отдадим должное неандертальцам и признаем их одним из подвидов (=рас) нашего вида.

В последние годы выяснилось, что, помимо неандертальцев, существуют и другие архаические представители рода *Homo*, с которыми человечество когда-то породнилось. Одним из таких знаменитых уже родственников современных людей являются таинственные денисовцы. Они были открыты в результате секвенирования ДНК, выделенной из фаланги пальца

девочки, жившей около 40000 лет назад на Алтае, в Денисовой пещере. Оказалось, что эта девочка принадлежит к неизвестному виду людей, которых и назвали денисовцами. Вскоре сегменты геномов денисовцев были обнаружены у жителей Океании и Австралии. Наиболее велик их вклад в генофонд меланезийцев — 4–6%. И, что уж совсем интересно, геномы денисовцев, проживавших в Денисовой пещере, имели 17% неандертальской примеси и около 4% ДНК каких-то других, неизвестных нам архаических людей [42].

А как же африканцы, живущие южнее Сахары? Хотя они не контактировали ни с неандертальцами, ни с денисовцами, у них тоже найдены “архаические” участки ДНК, полученные всего около 35000 лет назад от неведомых архаических племен, проживавших с ними по соседству.

Все эти разновидности людей, включая ту, к которой мы принадлежим, разошлись друг с другом в течение последнего полумиллиона лет [34]. Для видов они, пожалуй, молоды. С не меньшим основанием их можно считать подвидами одного вида, т.е. расами *Homo sapiens*.

Расы, геномы и персонализированная медицина

В XXI веке катализатором дискуссии о расах стали достижения геномики, появившиеся после завершения в апреле 2003 года проекта “Геном человека”. Это событие создало предпосылки для последующего масштабного изучения генетической изменчивости человечества.

Выше упоминалось, что геномы любых двух человек сходны на 99,9%. Оставшиеся 0,1% составляют ни много ни мало три миллиона межиндивидуальных различий в последовательностях ДНК. Из них только около 200 000 влияют на различия по фенотипическим признакам — особенностям физического строения и поведения, предрасположенности к тем или иным заболеваниям.

Оживление в последнее десятилетие дебатов о природе рас человека отчасти связано с экспоненциальным ростом числа исследований, посвященных выяснению геномных основ предрасположенности к болезням и восприимчивости к лекарствам. Давно известно, что население разных регионов различается по частотам полиморфных генов. Это относится и к генам, от которых зависит возникновение и развитие тех или иных заболеваний. Поскольку расы и этносы имеют разную географическую локализацию, они должны отличаться по уровням заболеваемости патологиями, имеющими генетическую компоненту. И такие различия действительно наблюдаются. Хрестоматийный пример — ситуация с серповидно-клеточной анемией; она распространена только у лиц африканского происхождения. Эта болезнь обусловлена мутацией в одном гене; такие заболевания называют моногенными. Большинство же

патологий возникают в результате взаимодействия большого числа генетических и средовых факторов; их называют полигенными. Однако они тоже обнаруживают географическую вариабельность по частоте встречаемости. Означает ли это, что при разработке планов лечения необходимо учитывать расовую и этническую принадлежность пациентов?

Разные авторы высказывают разные, порой диаметрально противоположные, мнения. Одни утверждают, что расовые и этнические ярлыки дезориентируют медиков, поскольку дают искаженное представление о генотипах конкретных пациентов. Другие, напротив, говорят, что изучение структуры заболеваемости в расовых и этнических группах очень важно, поскольку других способов сравнения состояния здоровья в разных сообществах не существует. И, наконец, третьи полагают, что социальные концепции расы и этничности, несмотря на свою несостоятельность с точки зрения биолога, могут быть полезны в биомедицинских исследованиях, так как они являются одним из ключей к генетическим и средовым факторам, влияющим на возникновение и течение болезни. Как указывал упомянутый пионер геномики Коллинс, самоидентифицируемая раса служит неким суррогатом, свидетельствующим о происхождении человека от предков, проживавших в определенном географическом регионе; такая географическая локализация предков, в свою очередь, является суррогатом полиморфизма неких участков генома; этот полиморфизм служит суррогатом изменчивости по формам генов (аллелям), связанным с болезнями, которую можно считать суррогатом риска возникновения у данного индивида тех или иных заболеваний. Так что на данном этапе, согласно этой сбалансированной точке зрения, расоализация и этнизация медицины, происходящая на Западе, скорее полезна, чем вредна. (Одно из проявлений этого процесса — создание и производство так называемых расово-специфических лекарств.) Однако с развитием геномики необходимость во всех этих суррогатах отпадет. Стремительное удешевление процедуры секвенирования геномов в обозримом будущем приведет к подлинной персонализации медицины. Пациент будет рассматриваться не как представитель какой-то расы или этнической группы, а как уникальный с биологической точки зрения индивид, требующий сугубо индивидуального подхода.

Социальное конструирование и биология “рас” человека

Если по поводу биологической реальности рас у большинства специалистов разного профиля существуют большие сомнения, то вряд ли кто-нибудь из них сомневается, что расы, наряду с этносами, представляют собой реальные социальные конструкции. Как формируются такие конструкции? Ответ

простой — на основе самоидентификации индивидов, происходящей во время их социализации.

Немного теории.

В ходе социализации члены сообщества получают представление о нем самом и о своем месте в его структурах. Молодой человек узнает, что его сограждане или соплеменники подразделяются на категории и образуют разные группы. В результате самоидентификации он причисляет себя к представителям определенных категорий и групп.

Понятия социальной категории и социальной группы перекрываются, но не идентичны. Люди, причисляемые или причисляющие себя к определенной категории, не обязательно образуют группу. Превращение категории в группу происходит вследствие коллективных действий; в этом случае сходные индивиды активно поддерживают свою групповую организацию. Например, афроамериканцы — это не только категория, но и группа, поскольку они (или, по крайней мере, часть из них) активно борются за свои гражданские права. В то же время немногочисленные афророссияне никаких групповых действий, насколько мне известно, не предпринимают, хотя их вполне можно считать примечательной категорией наших сограждан.

Социальное содержание и особенности расовой категории вырисовываются при сопоставлении с этнической категорией. Первая, несмотря на высказываемые сомнения в реальности рас, предполагает существование видимых физических различий (например, по цвету кожи). Вторая — основана главным образом на различиях в культуре и представлениях об общности происхождения. Расовая консолидация нуждается в *объективной* оценке межрасовых различий сторонним наблюдателем, а этническая базируется на самоидентификации, обусловленной *субъективными* чувствами индивидов. Примечательно, что определение расовой принадлежности часто используется для ограничения гражданских и иных прав индивидов, отнесенных к “аутсайдерам”, а этническая идентификация — для формирования общностей, нередко создающих для своих членов те или иные преференции. Поэтому некоторые авторы выделяют здесь два типа групп. Формирование первых приводит к социальному исключению индивидов, а вторых — к их социальному включению (инклюзии).

Во второй половине нулевых новозеландский философ Джошуа Глазго представил новаторскую социальную концепцию расы [30], обобщив и переосмыслив идеи своих коллег. В 2009 году вышла его книга с изложением этой концепции, получившая ряд хвалебных отзывов. Он подразделил философов и философствующих антропологов, развивавших расовую проблематику, на *элиминативистов* и *консервационистов* (conservationists). В онтологическом аспекте *консервационизм* совпадает с расовым реализмом, а *элиминативизм* — с антиреализмом. Элиминативисты (к которым Глазго относит, в частности,

Е. Тетушкин
Существуют ли
расы человека?

упомянутого Монтагу) настаивают на “элиминации” расового дискурса и изъятии из оборота расовой терминологии; они придерживаются мнения об иллюзорности рас. Консервационисты же поддерживают расовый дискурс и убеждены в биологической реальности рас. Новаторство Глазго состоит в том, что он заложил основы третьего направления в философском осмыслении расовой проблематики, которое было названо им *расовым реконструкционизмом*.

Разрабатывая свою теорию, он отталкивался от идей, уже высказывавшихся его коллегами. Некоторые из них полагали (и полагают), что существование рас может и не иметь убедительного биологического основания, но эти группы людей интересны в социальном отношении. С этой точки зрения, расы могут рассматриваться как реальные социальные общности людей; спорный вопрос о биологической реальности рас имеет второстепенное значение, поскольку расовый дискурс относится исключительно к некоей социальной реальности. Глазго называет философов, отстаивающих подобную точку зрения, *расовыми реалистами социального типа* (social kinds racial realists).

Глубокие и содержательные рассуждения Глазго трудно изложить в нескольких абзацах. Попробую схематично обрисовать контуры его теоретических построений, опираясь не только на авторский текст, но и на комментарии других философов.

Главная цель Глазго, как он ее сформулировал, — получить ответ на *нормативный вопрос*: “Должны ли мы отказаться от расового дискурса и мышления, а также от практик, основанных на расовых категориях, или их следует сохранить?” Для достижения этой цели, по мысли автора, надо ответить на *онтологический вопрос*: “Реальны ли расы?”. Для этого, в свою очередь, необходимо сформулировать ответ на *концептуальный вопрос*: “В чем состоит смысл ординарного понятия расы и народной теории расы?” А для получения ответа на концептуальный вопрос нужно ответить на *методологический вопрос*: “Каким образом можно выяснить, в чем заключаются народная концепция и народная теория расы?”

Глазго начинает с последнего вопроса. 1) Предложенная им методология постижения смысла ординарного понятия расы сводится к эмпирическому изучению представлений о расах, бытующих в образованных слоях населения США, и кабинетному анализу полученных результатов. 2) Размышляя над имеющимся материалом, он приходит к выводу, что народные концепции расы включают как биологические, так и социальные элементы. 3) На онтологический вопрос дается отрицательный ответ, поскольку имеющиеся научные данные не подтверждают отживших представлений о реальности биологических рас; ординарное понятие расы тоже иллюзорно, так как соотносится с несуществующим феноменом. 4) При таком ответе на онтологический вопрос ответ на нормативный вопрос, казалось бы, очевиден: выбор должен быть сделан в пользу

		Racial Ontology	
		<i>Anti-Realism</i>	<i>Realism</i>
Racial Politics	<i>Eliminativism</i>	Appiah Blum Corlett Zack	
	<i>Anti-Eliminativism</i>	<i>Racial Reconstructionism</i> (a third way)	<i>Racial Conservationism</i> Du Bois Outlaw Sundstrom Taylor

Е. Тетушкин
Существуют ли расы человека?

Основные направления современной расовой философии (по Глазго)

элиминативизма, поскольку антиреализм трудно согласовать с консервационизмом. Однако Глазго считает, что антиреализм вполне совместим и с консервационизмом, несмотря на очевидное противоречие этого тезиса эпистемологической норме, запрещающей иметь дело с иллюзиями. Чтобы обойти эпистемологические ограничения, он предложил третью альтернативу, принимающую во внимание моральные, политические и практические (prudential) соображения, на которых, по его задумке, и должен основываться расовый дискурс.

Глазго предложил реконструировать концепцию расы, сохранив в полном объеме значение самого термина, за исключением связанных с ним биологических коннотаций. Концепция расы заменяется концепцией расы, имеющей исключительно социальное наполнение. Расы, в отличие от биологических рас, вполне реальны и могут служить предметом расового дискурса. Такова суть расового реконструкционизма. Расы — это группы людей, образовавшиеся в результате структурирования общества под действием социальных сил. Надо заметить, что расовый реконструкционизм, по мнению его создателя, отличается от упомянутого расового реализма социально типом. Глазго считает, что последний онтологически неадекватен, так как не удовлетворяет одному из сформулированных им нормативных ограничений.

Однако не все философы, высказывавшиеся по расовой проблематике, присоединились к доминирующему большинству, отрицающему реальность биологических рас человека. Например, гонконгский профессор Невен Сесардик обвиняет

своих коллег в проведении необоснованной деконструкции биологической концепции расы [49]. Он пытается доказать, что, несмотря на проблемы с расовой таксономией, создание содержательной с биологической точки зрения и притом не-эссенциалистской концепции расы вполне возможно.

Большинство антиреалистов полностью исключают из рассмотрения межрасовые различия по биологическим признакам ввиду “биологической пустоты расы”, по выражению “расовой реалистки социального типа” Наоми Зак [58]. Между тем социологи причисляют расы к *видимым* группам и категориям (наряду с мужчинами и женщинами), которые противопоставляются *невидимым* группам и категориям [14, Chapter 7] (к которым относятся, например, гомосексуалисты, социалисты, философы, представители неидентифицируемых “на глазок” этнических групп и др.). Почти полное игнорирование современными философами биологических различий между “типажами” ординарных рас, по меньшей мере, обедняет расовую философию.

Можно, и для этого есть основания, отрицать реальность рас, но нельзя не принимать во внимание биологическое разнообразие населения Земли, породившее представления о существовании расовых групп. И “научные” и народные концепции расы возникли не на пустом месте; они прежде всего отражают определенную биологическую реальность. Даже если понимать расу как социальную категорию, трудно абстрагироваться от того обстоятельства, что такая форма социальной идентичности подразумевает общность происхождения (“кровное родство”) индивидов, принадлежащих к одной расовой группе. То есть расы (равно как и этносы) должны иметь не только социальное, но и генеалогическое измерение. А генеалогическое родство эквивалентно генетическому (=биологическому) сходству. Последнее определяется общностью географической прародины предков индивидов, относимых к одной и той же расовой группе. В действительности, как было показано выше, соотношение между расовым и генетическим сходством не столь однозначно. Это, в первую очередь, и порождает сомнения в реальности рас. Однако и расы, выделяемые антропологами, и ординарные расы характеризуются определенной совокупностью биологических признаков.

Выдающиеся генетики человека Ниль и Шелл еще в 1950-е годы писали, что они “почти не пользовались термином *раса*”, поскольку он “использовался разными авторами в столь разных значениях, что в значительной степени утратил свой смысл” [9, с. 291]. В публикациях XXI века наблюдается та же картина: разные ученые вкладывают в это понятие разное содержание. Поэтому редакции ряда медицинских и генетических журналов приняли правила, согласно которым авторы, употребляющие термин “раса”, непременно должны давать его определение [48]. Так существуют ли расы?

Литература

1. Брук С.И., Чебоксаров Н.Н. Расы человека // Народы мира. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 16–25.
2. Бамшид М., Олсон С. Существуют ли расы? // В мире науки. 2004. № 3. С. 37–43.
3. Гапон А.Г. «Типичный» человек с позиции зоологической номенклатуры // Человек. 2012. № 4. С. 100–114.
4. Дарвин Ч. Соч. Т. 5. М.: Издательство АН СССР, 1953.
5. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь / Перевод с шестого издания (Лондон, 1872). СПб.: Наука, 1991.
6. Кант И. О различных человеческих расах (1775) // Иммануил Кант. Собр. соч. В 8 т. Т. 2. М.: Чоро, 1994. С. 325–344.
7. Конашев М.Б. Ф.Г. Добржанский и эволюционный синтез // Создатели современного эволюционного синтеза: коллективная монография / Под редакцией Э.И. Колчинского. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 205–261.
8. Майр Э. Зоологический вид и эволюция. М.: Мир, 1968. С. 237.
9. Ниль Дж., Шэл У. Наследственность человека. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. С. 291.
10. Тётушкин Е.Я. Генетика и происхождение «рас» человека // Генетика. 2001. Т. 37. С. 1029–1045.
11. Фогель Ф., Мотульски А. Генетика человека. Т. 3. М.: Мир, 1990.
12. Ahn S.M., Kim T.H., Lee S. et al. The first Korean genome sequence and analysis: full genome sequencing for a socio-ethnic group. 2009. Genome Res. Vol.19. P. 1622–1629.
13. Amadon D. The Seventy-Five Per Cent Rule for Subspecies // The Condor. 1949. Vol. 51. P. 250–258.
14. Banton M. Racial Theories. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
15. Bamshad M., Wooding S., Salisbury B.A., Stephens J.C. Deconstructing the relationship between genetics and race // Nature Reviews Genetics. 2004. Vol. 5. P. 598–609.
16. Barbujani G., Magagni A., Minch E., Cavalli-Sforza L.L. The apportionment of human DNA diversity // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. 1997. Vol. 94. P. 4516–4519.
17. Biondi G., Rickards O. The scientific fallacy of the human biological concept of race // The Mankind Quarterly. 2002. Vol. XLII. P. 355–388.
18. Blumenbach J.F. De generis humani varietate nativa. 1795. 3rd ed. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. См.: Bhopal R. The beautiful skull and Blumenbach's errors // BMJ. 2007. Vol. 335. P. 1308–1309.
19. Bodmer W. F., Cavalli-Sforza L.L. Genetics, evolution, and man. San Francisco: W. H. Freeman, 1976; Neel, J.V. The major ethnic groups: Diversity in the midst of similarity // Am. Nat. 1981. Vol. 117. P. 83–87.
20. Collins F.S., Green E.D., Guttmacher A.E., Guyer M.S. A vision for the future of genomics research // Nature. 2003. Vol. 422. P. 835–847.
21. Coon C.S. The Origin of Races. N.Y.: Knopf, 1962.
22. Diamond J. Race without color // Discover. 1994 (November). P. 82–89.
23. Dobzhansky T. On species and races of living and fossil man // Am. J. Phys. Anthropol. 1944. Vol. 2. P. 251–265.
24. Dobzhansky T. Genetic entities in hominid evolution // Classification and Human Evolution. Chicago: Aldine, 1963.
25. Edwards A.W.F. Human genetic diversity: Lewontin's fallacy // BioEssays. 2003. Vol. 25. P. 798–801.

Е. Тётушкин
Существуют ли
расы человека?

26. *Feldman M.W., Lewontin R.C., King M.-C.* A genetic melting-pot // *Nature*. 2003. Vol. 424. P. 374. См. также: *Barbujani G., Pigliucci M.* Human races // *Current Biology*. 2013. Vol. 23. P. R185–R187; *Ali-Khan S.E., Krakowski T., Tahir R., Daar A.S.* The use of race, ethnicity and ancestry in human genetic research // *HUGO J.* 2011. Vol. 5. P. 47–63.
27. *Fish J.M.* (ed.) *Race and Intelligence: Separating Science from Myth*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2002.
28. *Fischer A., Pollack J., Thalmann O. et al.* Demographic History and Genetic Differentiation in Apes // *Current Biology*. 2006. Vol. 16. P. 1133–1138.
29. *Gibbons A.* Neandertals and moderns made imperfect mates // *Science*. 2014. Vol. 343. P. 471–472.
30. *Glasgow J.* A third way in the race debate // *The Journal of Political Philosophy*. 2006. Vol. 14. P. 163–185; *Glasgow J.* *A Theory of Race*. N.Y.: Routledge, 2009.
31. *Huxley J.S., Haddon A.C.* (With a Contribution by A.M. Carr-Saunders.) *WE EUROPEANS: A Survey of “Racial problems”*. N.Y.: Harper & Brothers, 1936.
32. *Jamieson J.W.* The reality of race: contra Biondi and Rickards // *The Mankind Quarterly*. 2002. Vol. XLII. P. 389–406; *Jones L.C.* Reply to Biondi and Rickards // *The Mankind Quarterly*. 2002. Vol. XLII. P. 407–412; *Whitney G.* Race do not exist – so study them // *The Mankind Quarterly*. 2000. Vol. XLI. P. 119–127.
33. *Lazaridis I., Patterson N., Mittnik A. et al.* Ancient human genomes suggest three ancestral populations for present-day Europeans // *Nature*. 2014. Vol. 513. P. 409–413; *Gibbons A.* Three-part ancestry for Europeans: Eurasian “ghost lineage” contributed to most modern European genomes // *Science*. 2014. Vol. P. 345.
34. *Lalueza-Fox C., Gilbert T.P.* Paleogenomics of archaic hominins // *Current Biology*. 2011. Vol. 21. P. R1002–R1009.
35. *Lewontin R.C.* The apportionment of human diversity // *Evolutionary Biology*. Vol. 6. N.Y.: Appleton-Century-Grofts, 1972. P. 381–398.
36. *Lieberman L., Kaszycka K.A., Martinez A.J. et al.* The race concept in six regions: Variation without consensus // *Coll. Antropol.* 2004. Vol. 28. P. 907–921. См. также: *Lieberman L., Kirk R.C., Corcoran M.* The decline of race in American physical anthropology // *Prz. Antropol.–Anthropol. Rev.* 2003. Vol. 66. P. 3–21; *Štrkalj G.* The status of the race concept in contemporary biological anthropology: A review // *Anthropologist*. 2007. Vol. 9. P. 73–78.
37. *Livingstone F.B.* On the non-existence of human races // *Curr. Anthropol.* 1962. Vol. 3. P. 279–281.
38. *Montagu A.* *Man’s Most Dangerous Myth: The Fallacy of Race*, N.Y.: Harper, 1942. Ее 6-е издание опубликовано в 1998 году.
39. *Olalde I., Allentoft M.E., Sánchez-Quinto F. et al.* Derived immune ancestral pigmentation alleles in a 7000-year-old Mesolithic European // *Nature*. 2014. Vol. 507. P. 215–228; *Wilde S., Timpson A., Kirsanow K. et al.* Direct evidence for positive selection of skin, hair, and eye pigmentation in Europeans during the last 5,000 y // *PNAS*. 2014. Vol. 111. P. 4832–4837.
40. *Omoto K.* The rise and fall of the biological concept of race // *Japan Review*. 1997. №. 9. P. 65–73; *Morning A.* Reconstructing race in science and society: biology textbooks, 1952–2002 // *AJS*. 2008. Vol. 114 Suppl. P. S106–S137.
41. *Patinos A.* ‘Race’ and the human genome // *Nature Genetics Supplement*. 2004. Vol. 36. P. S1–S2; *Foster M.W.* Looking for race in all the wrong places: analyzing the lack of productivity in the ongoing debate about race and genetics // *Hum. Genet.* 2009. Vol. 126. P. 355–362.

42. Pennisi E. More genomes from Denisova cave show mixing of early human groups // *Science*. 2013. Vol. 340. P. 799.
43. Pickrell P., Patterson N., Barbieri C. et al. The genetic prehistory of southern Africa // *Nature. Communications*. 2012. Vol. 3. P. 1143.
44. Raghavan M., Skoglund P., Graf K.E. et al. Upper Paleolithic Siberian genome reveals dual ancestry of Native Americans // *Nature*. 2014. Vol. 505. P. 87–91.
45. Rosenberg N.A., Pritchard J.K., Weber J.L. et al. Genetic structure of human populations // *Science*. 2002. Vol. 298. P. 2381–2385; и др.
46. Royal C.D.M., Dunston G.M. Changing the paradigm from ‘race’ to human genome variation // *Nature Genetics Supplement*. 2004. Vol. 36. № 11. P. S5–S7; Biondi G., Rickards O. Race: The extinction of paradigm // *Annals of Human Biology*. 2007. Vol. 34. P. 588–592.
47. Rove D.C. Review of the book of Graves J.L. Jr. 2001) // *Heredity*. 2001. Vol. 87. P. 254.
48. Sankar P., Cho M.K. Toward a new vocabulary of human genetic variation // *Science*. 2002. Vol. 298. P. 1337–1338.
49. Sesardic N. Race: a social destruction of a biological concept // *Biol. Philos.* 2010. Vol. 25. P. 143–162.
50. Tateno Y., Komiyama T., Munkhabat B. et al. Divergence of East Asians and Europeans estimated using male- and female-specific genetic markers // *Genome Biol. Evol.* 2014. Vol. 6. P. 466–473.
51. Tetushkin E.Ya. Genetics and the Origin of Human “Races” // *Russian Journal of Genetics*. 2001. Vol. 37. P. 853–867.
52. Whitney G. *The biological reality of race* // *American Renaissance*. 1999. Vol. 10. P. 1–6; Линн Р. Расовые различия в интеллекте. Эволюционный анализ. М.: Профит Стайл, 2010.
53. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=JvG1ylKhZoo>
54. URL: https://www.celera.com/celera/pr_1056647999
55. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001229/122962eo.pdf>
56. URL: <http://admixturemap.paintmychromosomes.com/>
57. Veeramah K.R., Wegman D., Woerner A. et al. An early divergence of KhoeSan ancestors from those of other modern humans is supported by an ABC-based analysis of autosomal resequencing data // *Mol. Biol. Evol.* 2012. Vol. 29. P. 617–630.
58. Zack N. Glasgow and the empirical gap in racial eliminativism // *Symposia on Gender, Race and Philosophy*. Fall 2009. Vol. 5 (2).

Е. Тетушкин
Существуют ли
расы человека?